

Вновь, спустя без малого три десятилетия, на сцене театра "Эстония" (ныне - Национальной оперы "Эстония") балет Родиона Щедрина "Анна Каренина". Вызвавший недоумение и споры при появлении на свет на сцене Большого театра в 1972 году, он и сегодня не теряет своей привлекательности для публики и порождает противоречивые суждения профессионалов и критиков - неожиданностью решения отдельных сцен, своеобразной расстановкой "акцентов", оригинальной световой "партитурой", великолепными костюмами, наконец, наличием двух сильных составов исполнителей, привносящих в хореографический рисунок ролей свою интерпретацию, свою индивидуальность.

В отличие от прежней постановки "Анны Карениной", осуществленной эстонским хореографом Энном Суве спустя год после московской премьеры, нынешняя - плод совместных усилий творческой группы из Литвы и Латвии (литовский хореограф Юриус Сморигинас, художник по костюмам Юозас Статкевичюс, сценарист и режиссер по свету Иварс Новикс из Риги, исполнитель партии Вронского - Эдвардас Смалакис - из Вильнюса) и эстонской балетной труппы, а также музыкантов (главный дирижер - Юрий Альпертен) театра "Эстония".

Замысел нового балета, по признанию Юриуса Сморигинаса, возник в процессе работы с Кайе Кырб над "Кармен" Бизе-Щедрина. "Думаю, мои желания и стремления Кайе совпали. Как для тенора партию Отелло нужно петь уже будучи зрелым мастером,

так и для балерины танцевать Анну можно, лишь достигнув зрелости, личной и профессиональной".

Анна Юриуса Сморигинаса

"Я - как натянутая струна, которая должна лопнуть". Эти слова героини Л. Толстого, на мой взгляд, могли бы стать эпиграфом к постановке Ю. Сморигинаса. Сосредоточив главное внимание на психологии Анны, ее сложном внутреннем мире, он большую часть места и времени отводит ее "внутренним монологам". Как, впрочем, и Щедрин, определивший жанр балета как "лирические сцены" (по аналогии с "Евгением Онегиным" Чайковского) и исключивший линию Левина, его философских раздумий, семейную линию Облонских...

Будучи одновременно и автором сценария (либретто), Ю. Сморигинас сделал купюры некоторых сцен - сцены Дворцового церемониала и награждения Каренина, сна Вронского, Сада Вреде, спрессовав все действие в два акта (с 10 картинками). Таким образом, следующие после скачек события движутся с поступательной скоростью, вливаясь в страшный финал, который становится кульминацией трагедии, катарсисом. Финальная сцена очень убедительно выстроена и хореографом-постановщиком, и режиссером по свету: силен эффект спящих фар "надвигающегося" паровоза и фигура Станционного мужика, раскачивающего фонарь и довершающего грозное возмездие ("Мне отмщение, и аз воздам").

Для Ю. Сморигинаса главное, по его словам, "тог дискомфорт, разлад с самой собой, который испытывает Анна. Ее драматическая трагедия рожден-

ны" ею же самой. Она была слишком эмоциональна, слишком сексуальна - в нашем понимании - и не могла совладать со своим внутренним богатством" (у Л. Толстого: "Как будто избыток чего-то так переполнял ее существо, что мимо ее воли выражался то в блеске взгляда, то в улыбке").

Две Анны

Уже при первом появлении на вокзале Анна-Кайе Кырб привлекает к себе внимание аристократической, утонченной красотой и особой одухотворенностью облика (у Толстого: "...в ней был другой какой-то, высший мир интересов, сложных и поэтических"). Она выглядит пока безмятежной, а в сцене бала даже счастливой, упоенной своим успехом, царственно гордой и прекрасной в своем "золотом" (а не в черном бархатном, как у Толстого) платье, "из которого она выступала". И лишь потом в Болотом, оказавшись во власти переполнявших

ее чувств, она, все еще сопротивляясь, медленно, но верно идет под топор своей судьбы (в образе Станционного мужика).

В исполнении Марины Чирковой Анна кажется изначально обреченной, отданной во власть Рока. Она как будто боится самой себя, скрытых в ней сильных страстей, словно не она выбирает Вронского, а сама Судьба толкает его в ее объятия. Эта обреченность - и во взоре, и в пластике ее "говорящих" рук (характерен жест отстранения, кото-

На репетиции спектакля «Анна Каренина»

рым Анна-Чиркова пытается отгородиться от судьбы своей - "чур, чур, меня").

Образ Анны раскрывается и во "внутренних монологах", и в дуэтах с Вронским, Карениным. Запоминается сцена свидания Анны с Сереей, ее стремительный, летящий "улановский" бег навстречу сыну. И затем дуэт с Карениным - словно в замедленной съемке. В то же время практически "за кадром" осталась ссора Анны с Вронским и последнее объяснение. Нелогична резкая смена эмоциональных состояний Вронского, то любящего, то вдруг охладевшего, не замечающего Анну в театре.

Вронский, Каренин и судьба Анны

Собственно, Вронский на фоне такой Анны может потеряться, тем более что Р. Щедрин не наделяет его особой музыкальной темой (в отличие от Анны, у которой несколько лейтмотивов, и даже Каренина с его музыкальной характеристикой, порученной контрабасу). Вронский скорее тень, герой, которого ждала Анна, ее истосковавшаяся по любви душа. Анна любит фактически не Вронского с его слабостями и увлечениями, а саму Любовь.

Вронского танцуют Эдвардас Смалакис из Литвы (с Кайе Кырб) и Владимир Архангельский (с Мариной Чирковой). Вронский Смалакиса - светский молодой человек с четкими представлениями о чести и достоинстве русского офицера. В дуэтах с Анной видно, какой Смалакис безупречный, элегантный партнер. Особенно хорош он в сцене скачек, когда Вронский не в силах скрыть своих чувств из-за падения Фру-

Фру.

Владимир Архангельский создает несколько иной образ. Он - "офицер-мальчик", с "выражением почтительного восхищения" (так у Толстого), следующий всюду за Анной.

Каренин, несмотря на скудость хореографического материала, очень убедителен и по-своему значителен, хотя не так многообразен, как у Л. Толстого. Графически четкий рисунок его партии, акцентированный на жестах собственника, словно захватывающего пространство, походка, полная достоинства и собственной значительности, в исполнении Виестурса Янсонса производят сильное впечатление и подтверждают высокий уровень драматического мастерства артиста.

В трактовке Андруса Кямбре Каренин более человечен и мягок, но не столь запоминается, как у Янсонса.

Ключевым становится в спектакле образ Станционного мужика (Андрус Лаур и Виталий Николаев). Именно он олицетворяет собой Судьбу, Рок, Фатум - как у Чайковского, музыку которого постоянно цитирует Щедрин. Очень интересно решены "внутренние монологи" Анны, ее сны: движущееся красное пятно прожектора высвечивает фигуру мужика, сопровождая таким образом движения Анны. Экспрессивен и дуэт с Анной, в котором особенно колоритно выглядит В. Николаев.

По словам Сморигинаса, его меньше всего волновал конфликт Анны со "светом", тем не менее, сама тема нашла отражение в спектакле. Петербургское высшее общество предстает здесь как обезличенная масса, возникая вначале в виде теней на арьерзанавесе сцены. Большую роль постановщик отводит Бетси - как главной пружине страшного маховика под названием "высший свет". Бетси Тверская (Марина Кеслер и Ирина Пяхн) - антипод Анны, средоточие зла и лжи; в ее скользких, змеиных движениях, в ее деланной, холодной улыбке есть что-то дьявольское, чего не спрятать за подчеркнутой светскостью. Однако, на мой взгляд, стилистическим диссонансом "звучит" сцена "В салоне Бетси", словно переносящая нас в эпоху декаданса - изломанная пластика, неуловимость, зыбкость.

Напротив, неожиданной находкой становится решение сцены "Италия", где играют два плана: внешний и внутренний. Удачно световое-цветовое решение сцены: бирюзовые, "морские" тона, акварельные краски и столь же "акварельная"

пластика счастливой семьи (мать, отец и ребенок), будто призванной оттенить драму Анны и напомнить о существовании гармоничного мира. Удивительно пластичны обе девочки из хореографического училища в роли Сережи.

Балет, когда-то рожденный для Майи Плисецкой, теперь, спустя 28 лет, получил новое прочтение, обрел новых исполнителей, столь непохожих на прежних, но все так же волнующих, вызывающих боль и сострадание.

Анна - Кайе КЫРБ

АКТЕРЫ О СВОИХ РОЛЯХ

Кайе Кырб (Анна Каренина): Мне кажется, я хорошо понимаю, в чем трагедия такой женщины, как Анна... Она была сверхэмоциональной натурой с нестабильной психикой. И эта нестабильность шла от ее

жизни, монотонной и лишенной любви. У нее годами накапливалось напряжение, и когда она встретила Вронского, душевный клапан открылся, она устремилась навстречу Любви. Отныне она уже не могла сдерживать своих чувств. Конечно, из-за Сережи она вернулась из Италии, но ее трагедия, жизненный крах обусловлены, прежде всего, ее душевным состоянием, ее повышенной эмоциональностью. Это была трепетная женщина, я очень рада, что мне довелось языком танца создать такой сложный образ и пережить вместе с Анной сильные эмоции. К сожалению, я не видела "Анну Каренину" Майи Плисецкой, только фрагмент из этого балета. Но если бы даже и видела, думаю, мне бы это не помешало создать свою Анну. Хотя Майя Плисецкая всегда была моим кумиром.

Виестурс Янсонс (Каренин): Для меня роль Каренина представляла особую сложность: это абсолютно "чужой" мне человек, закрытый, закованный наглухо в свой чиновничий мундир. Поэтому мне надо было свой темперамент, свои эмоции не выплескивать наружу. Думаю, что сейчас я на верном пути, но должно пройти много времени, прежде, чем роль станет абсолютно "своей". Всякая роль рождается в муках, но на этот раз я, может быть, меньше спорил с Юриусом Сморигинасом, чем когда работал над ролью Хозе в "Кармен". Надеюсь, мне удастся выразить замысел хореографа. Ведь как актер я испытываю удовлетворение, если моя работа нравится зрителю, если я полно выражаю мысли хореографа-постановщика - даже если я с ним в чем-то не согласен.

Эдвардас Смалакис (Литва, Вронский): С Юриусом Сморигинасом мы знакомы давно, он ставил в нашем Вильнюсском театре "Макбета". Я помню его еще танцовщиком, мы выступали с ним на одной сцене в Вильнюсе в спектакле "Анна Каренина" с Майей Плисецкой в 1974 году. Мы оба были заняты в ролях наездников в сцене скачек. Он был характерным танцовщиком и уже тогда мне запомнился. Работать с ним как с хореографом интересно, так как он не ставит "жестких рамок", а всегда оставляет свободу для артиста. К сожалению, у моего героя лишь один монолог, а больше дуэтов. Для меня Вронский, прежде всего, человек чести. Мне кажется, любовь Анны для него меньше значила, чем понятие чести. Поражение на скачках его больше угнетает, чем расставание с Анной. Косвенно он - как и Каренин - причастен к ее гибели. Думаю, что работа над ролью не окончена, каждый спектакль - это отдельная страница, которую заново открываешь. Как принято считать среди артистов, спектакль, роль можно считать сделанными, когда сыграно десять спектаклей. Так что процесс продолжается.

Анна - Кайе КЫРБ
Станционный мужик - Андрус ЛАУР

Ташара Учанова